

С. Ф. Кокшаров *

**К 70-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КНИГ
С. В. БАХРУШИНА И В. Н. ЧЕРНЕЦОВА**

В 2005 г. исполняется 70 лет со времени выхода в свет двух различных по жанру работ, которые представляют не только историографический, но и научный интерес. Дело в том, что в них затрагивается один из дискуссионных вопросов российской истории – характер социально-экономических отношений таежных угров накануне вхождения севера Западной Сибири в состав Русского государства.

Одна из упомянутых работ – «Вогульские сказки» – была подготовлена известным в последующие годы исследователем обских угров В. Н. Чернецовым¹. В ней опубликованы фольклорные материалы, собранные автором во время его пребывания на северо-западе Сибири, в местах преимущественного проживания манси, в бассейне р. Северной Сосьвы. Причиной, побудившей его подготовить данную публикацию, являлся дефицит капитальных работ на русском языке, посвященных фольклору манси. По мнению В. Н. Чернецова, предложенная работа хоть в какой-то степени восполняла этот пробел.

Чрезвычайный интерес для нас представляет не столько ее основная часть, содержащая публикуемые тексты и комментарии к ним, сколько введение с подстрочными замечаниями, где содержится критика В. Н. Чернецовым взглядов на устное народное творче-

* Кокшаров Сергей Федорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, доцент кафедры археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

ство и общественное устройство манси, изложенных в книге М. Плотникова «Янгал-маа» (М.; Л.: Academia, 1933). В. Н. Чернецов отмечает, что ее автор имеет весьма отдаленное представление о фольклоре манси. Причиной тому является включение М. Плотниковым сказок и былин, услышанных им не только от различных групп манси с различным историческим прошлым, но и от хантов (остяков), а также насыщение текстов в ходе поэтической обработки оборотами и образами, не свойственными мансийскому фольклору. В. Н. Чернецов объясняет это тем, что М. Плотников ошибается в определении общественного развития и мировоззрения манси, обусловивших характер публикуемых им фольклорных материалов².

По мнению В.Н. Чернецова, мансийский фольклор представляет собой творчество народности, основными занятиями которой были охота и рыболовство, – творчество, отражающее в основном распад материнского рода, но также включающее в себя отдельные моменты, характеризующие и более ранние этапы общественного развития. Далее, в двухстраничном подстрочнике, он углубляет свое видение данной проблемы. «Ни исторически, ни археологические материалы, ни, наконец, данные фольклора не указывают на наличие сколько-нибудь развитого земледелия у манси (по словам же М. Плотникова, вогулы знали хлебопашество. – С. К.)». При этом он не исключает, что в эпоху прихода русского населения или даже несколько раньше земледелие «в ничтожных размерах» могло быть известно лишь южным манси. Высказывания М. Плотникова о «ведении торговли и войн» можно также с большой степенью осторожности отнести лишь к манси, обитавшим по р. Тура, Тавда и на притоке последней Южно-Сосьве. Как полагает В. Н. Чернецов, «среди этих групп (в настоящее время почти совершенно обрусев-

ших) процессы разложения рода начались раньше, чем на севере, и, возможно, что здесь имели место какие-то *начальные образования феодального типа* (здесь и далее курсив в цитатах мой. – С. К.)... Причинами, обуславливавшими это своеобразие в процессе исторического развития южных манси, могло служить их пограничное положение, соседство с татарами, в силу которого могли развиваться торговые связи, способствующие возникновению неравенства среди членов родовых групп и ускорившие процесс разрушения родового быта, а может быть даже приведшие и к *выделению феодальной верхушки*. Но если такие явления и имели место на крайнем юге мансийской территории, неправильно распространять их на всю массу манси, как это делает М. Плотников»³.

В 1935 г. В. Н. Чернецову исполнилось 30 лет и неудивительно, что молодой исследователь пытался разобраться в специфике социально-экономических отношений таежных угров, найти объяснения явлениям, которые не соответствовали характеристикам родового общества.

Полемизируя с М. Плотниковым и допуская тем не менее наличие у южных групп таежных аборигенов начальных образований феодального типа, он, естественно, не мог не отметить еще одну важную работу, которая подкрепляла выводы об имевшем место имущественном неравенстве и социальной дифференциации в разлагающемся первобытном обществе обских угров. Речь идет об исследовании С. К. Патканова, посвященном изучению одного из жанров устного творчества южных остяков (хантов) – героического эпоса, которое позволило воссоздать собирательные образы остяцких богатырей и реконструировать их образ жизни в дорусский период средневековой истории⁴.

Кажется удивительным, но это факт, ни в «Вогульских сказках», ни в одной из последующих работ Валерия

Николаевича мы не встречаем детального разбора и обоснования выводов, к которым пришел С. К. Патканов. Это можно объяснить проведением в советской науке 30-х гг. XX в. санкционированных свыше планомерных и «профилактических» чисток, призванных «освежить» микроклимат, который сложился в среде ученых-историков. Скорее всего В. Н. Чернецов понимал, что допустил крайне неосторожные высказывания о наличии у обских угров *начальных образований феодального типа и выделения феодальной верхушки*. Более чем вероятно, что вполне реальных репрессий его спасли длительные поездки в Сибирь и полный отход от рассмотрения проблемы классообразования в обществе таежных рыболовов-охотников, не вписывавшейся в рамки официальных установок о формационном учении.

В своих поздних работах он больше никогда не возвращался к проблемам, поднятым в 1935 г. Основное внимание исследователя было уделено изучению особенностей родового строя, фратриальной организации и проблемам этногенеза народов Севера. Отдельные работы посвящены рассмотрению изобразительного творчества древнего и современного населения Урала и Сибири. Он придавал большое значение введению в научный оборот разрозненного археологического материала, хранившегося в музейных фондах страны, разработке периодизации древней и средневековой истории Обь-Иртышья.

Вряд ли правомерно однозначно относить В. Н. Чернецова к числу сторонников архаизации социальных отношений таежных угров, как это делает З. П. Соколов. Учитывая приведенные выше высказывания самого исследователя, это следует делать с известной долей условности. Правильнее говорить даже не об эволюции его научных взглядов, а о поиске таких направлений научных исследований, которые бы не зависели от меняющихся

ся идеологических установок в обществе и позволили бы ему состояться как ученому.

Другой труд – научное монографическое исследование «Остяцкие и вогульские княжества XVI–XVII вв.» историка С. В. Бахрушина⁶. При его написании автор использовал всю опубликованную историческую документацию XVI–XVII вв. В частности, он привлекал данные, почерпнутые из русских летописей, записей и исследований Г. Новицкого, Г. Ф. Миллера, И. И. Лепехина, П. С. Палласа и других авторов. Кроме того, им обработаны архивные материалы из фонда Сибирского приказа, содержащего многочисленные факты, крайне необходимые для анализа социальной организации таежных угров в XVII в. Самое пристальное внимание он уделил упомянутой работе С. К. Патканова, к которой неоднократно обращался и цитировал ее для подкрепления полученных выводов.

Книга С. В. Бахрушина не осталась незамеченной, поскольку она носила новаторский характер. Впервые в советской исторической науке С. В. Бахрушин поднял вопрос о вызревании феодальных отношений в обществе, экономика которого базировалась не на производящих, а на присваивающих формах хозяйства – рыболовстве и охоте. Новизна работы заключалась в применении марксистской методологии о формационном развитии к традиционному, как мы говорим сейчас, обществу. По мнению З. П. Соколовой, с выходом этой книги связано оформление противоположной концепции – сторонников модернизации общественных отношений у обских угров⁷. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти, поскольку первые и весьма серьезные наработки по данному вопросу сделаны еще в досоветское время все тем же С. К. Паткановым.

Уже через год была дана обстоятельная критика данной монографии, опубликованная в журнале «Советская

этнография» Н. Н. Степановым⁸. Он отметил новизну поднятой научной темы и указал, что «проблема остяково-вогульского феодализма, выдвинутая С. В. Бахрушиным, является... теоретически новой и... на определенном историческом этапе исторически реальной». Вместе с тем он отмечает некритическое использование автором источниковой базы и несоблюдение им методологии исследования⁹.

Он акцентирует внимание на том, что привлеченный фольклорный, летописный и актовый материал не дает никаких оснований говорить о созревании таких отношений у остяков и вогулов до XVII в. Н. Н. Степанов упрекает автора в использовании сведений, взятых из аналитической статьи С. К. Патканова, а не из первоисточника – фольклора южных остяков. Как следствие, «в интерпретации фольклорного материала С. В. Бахрушин ... по всем основным вопросам идет вслед за Паткановым». Если в работе С. К. Патканова не содержится попыток определения характера таежного общества (что вполне естественно для работы, написанной в конце XIX в. – С. К.), то С. В. Бахрушин не сомневается в наличии феодальных отношений у южных остяков¹⁰.

Еще одно существенное замечание оппонента касается используемой в монографии терминологии. По его мнению, такие понятия, как «князь», «царь», «подданные», заимствованы С. В. Бахрушиным из работы С. К. Патканова, русских летописей и документов, искусственно перенесены на изучаемое общество, хотя их правильнее рассматривать в качестве заимствований более позднего времени. Основное расхождение взглядов С. В. Бахрушина и Н. Н. Степанова как раз заключается в расхождении понимания термина «остяково-вогульские князья». Если первый относит их к числу феодалов, полагая, что экономическое могущество позволило им выделиться из числа родовой знати (родовых вождов, старейшин),

то второй рассматривает их в качестве старейшин патриархальной общины, военачальников и племенных вождов¹¹. Оба исследователя едины во мнении, что важнейшей причиной, ускорившей процесс феодализации таежного общества, являлось присоединение Сибири к Русскому государству. Правда, рецензент относит эти процессы ко времени не ранее XVII в. и связывает их со стремлением русской администрации использовать влияние и авторитет «князьков» – родоплеменных военачальников и вождов для подчинения других групп аборигенного населения. Причем это касается не всех лидеров таежных общин, а только интегрированных в систему власти русского феодального государства, т. е. взятых на государственную службу со всеми вытекающими отсюда обязанностями, правами и привилегиями. В частности, речь идет о князьях Коды Алачевых. Интересно, что Н. Н. Степанов, сам того не замечая, тоже высказал «крамольные» суждения: он допускает наличие феодальных отношений в обществе с присваивающим хозяйством. Несмотря на критику, оппонент выразил С. В. Бахрушину признательность за привлечение новых материалов, дающих «возможность проанализировать начавшийся процесс феодализации в данном районе»¹².

Итак, если оперировать современными понятиями, и В. Н. Чернецов, и С. В. Бахрушин в 1935 г. первыми подняли вопрос о классогенезе, а точнее, о зарождении зачатков феодальных отношений в синполитейном обществе, базирующемся на присваивающем хозяйстве.

В последующие годы историки и этнографы также неоднократно обращались к определению характера обско-угорского средневекового общества. В частности, в одной из работ, написанной Н. Н. Степановым совместно с З. Я. Бояршиновой, вновь акцентируется внимание на том, что героический эпос хантов и манси не содержат ни малейших намеков на наличие классового (феодаль-

ного) общества у обских угров в дорусское время. По их словам, «князья», именуемые в былинах богатырями, это военные вожди, представляющие собой «родоплеменную верхушку, сосредоточившую в своих руках значительные богатства»¹³. Исходя из отсутствия в русских документах указаний на деление угров на роды, они делают вывод, что в XVII в. род (как социально-экономическая единица угров) уже не существовал, так как распался на отдельные большие (патриархальные) семьи¹⁴. Заметим, что речи о начавшемся в XVII в. процессе феодализации местного населения уже не ведется.

Изучение материалов мансийских святилищ позволило сибирским исследователям говорить о сохранении в обрядовой практике аборигенов следов военно-потестарной организации, разрушенной только в Новое время¹⁵. В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина полагают, что ханты XVII–XIX вв. находились на рубеже доклассовой и классовой формаций, то есть на стадии разложения первобытно-общинных отношений и начальном этапе классового расслоения. Однако они оставляют без комментариев характер общественного устройства аборигенов в дорусское время, то есть не причисляют себя ни к сторонникам, ни к оппонентам С. В. Бахрушина¹⁶. По мнению Е. П. Мартыновой, говорить о феодализме или даже его элементах у обских угров XIV–XVII вв. нет никаких оснований. Она присоединяется к заключению, что угорские «княжества» — это потестарные общности, которые сложились под влиянием внешней угрозы. Они возникали на территориально-этнической и территориальной основе и включали не одну, а несколько этнических групп¹⁷. В целом солидарна с нею и З. П. Соколова, замечая, что общество манси в XV–XVI вв. находилось на стадии «военной демократии»¹⁸. Нетрудно заметить, что исследователи акцентируют внимание на военной составляющей политогенеза, который, как за-

мечено, опережает и тем самым стимулирует процессы классообразования¹⁹.

Историки, изучающие проблемы деструкции первобытных обществ, указывают, что у народов с высокоэффективными системами присваивающего хозяйства (а к их числу относятся и предки хантов и манси Оби) нередко наблюдалось далеко зашедшее общественное разделение труда. Здесь отмечался активный межобщинный и межплеменной обмен и происходил ярко выраженный процесс социальной дифференциации²⁰. В этом смысле развитое присваивающее хозяйство сближалось с некоторыми ранними формами земледелия и скотоводства, так как они «создавали во многом сходные материальные условия для социальной эволюции, что отразилось и в сходных типах социальной организации»²¹. Вместе с тем процесс становления классов и государства в этих обществах лишь намечался и его нельзя признать завершенным, в отличие от народов, хозяйство которых было производящим²².

В конце XX — начале XXI в. к «глубокоэшелонированному» изучению остяко-вогульских княжеств подключились археологи. Исследования в Нижнем и Среднем Приобье, в Прииртышье привели специалистов к необходимости выделения особого — сайгатинского — этапа в истории региона²³. Он охватывает конец XI — XVI в. и отмечен появлением археологических памятников, которые можно связать со сложением в обско-угорском обществе элитарной субкультуры. Она нашла отражение в оборонительном зодчестве, домостроении, погребальном обряде, образе жизни и в мировоззренческих установках, которых придерживались лидеры таежных коллективов.

В сайгатинское время впервые появляются городища с эшелонированной в глубину и высоту системой обороны, включающей от двух до трех крепостных стен и рвов. Как показали раскопки, несмотря на неоднократные уничто-

жающие пожары, они непременно отстраивались на прежнем месте и существовали непрерывно на протяжении сотен лет (городок Эмдер)²⁴. Подобные городки могут рассматриваться в качестве значимых военно-политических центров, где проживала таежная знать («князья», или богатыри), их семьи, приближенные и население, их обслуживающее. Резиденции наиболее сильных военных предводителей возводились на берегах крупных сибирских рек (Обь, Иртыш, Конда и др.), откуда контролировались пути к цитаделям и торговые пути, проходящие по основным артериям. Трудозатраты на возведение подобных центров и их обустройство (проведение дренажа, укладка мостовых) были просто огромны, и, естественно, что к их строительству привлекалось большое количество людей. Обращаясь к материалам, собранным С. К. Паткановым и С. В. Бахрушиным, мы можем уверенно говорить, что в них принимали участие не только различные категории зависимого населения (рыбы, обнищавшая часть служилых и ясачных людей), но и свободные общинники. Те же свободные общинники составляли и ядро крепостных гарнизонов, фактически отбывая здесь свою главную повинность – военную службу²⁵. Появление в западносибирской тайге достаточно серьезных оборонительных сооружений свидетельствует о том, что местная элита (точнее военные предводители) узурпировала управленческие и редиистрибутивные функции и, в случае необходимости, использовала экономическое влияние, военную силу, авторитет и царившие в милитаризованном обществе мировоззренческие установки для достижения поставленных целей. Интересно, что, несмотря на специфику присваивающего хозяйства, успешное ведение которого было возможно при значительной дисперсности и относительной немногочисленности населения, правящей верхушке удавалось организовать и сконцентрировать для строительства и охраны городков необходимые людские ресурсы.

В пределах княжеских резиденций находились кузницы, и этим, считавшимся престижным, ремеслом нередко занимался сам князь. Здесь находились также княжеская казна (включавшая престижные вещи, в том числе ювелирные украшения, дорогую посуду, ткани и меха), арсенал (оружие и защитное снаряжение) и княжеское святилище²⁶. О сосредоточении в руках знати сокровищ и ценного имущества свидетельствуют обнаруживаемые на городищах клады, а также навесные пружинные замки и ключи к ним. Как показывают материалы археологических раскопок, в XV–XVI вв. происходят существенные изменения в облике и интерьере домов, строившихся в пределах городищ. Дома представляли собой срубные наземные постройки, которые, в отличие от более ранних жилищ и жилищ рядовых общинников, топились по-белому. Это достигалось возведением в домах печей-чувалов, обогревавших и освещавших помещения, которые обские угры заимствовали у тюркского населения Сибири.

Завершая краткое рассмотрение археологических находок, полученных с позднесредневековых городищ, следует обратить внимание на состав обнаруженных фаунистических остатков. Значительная их часть указывает на пушную направленность охоты (соболь, куница, бобр), а другая – на особенности питания жителей городков. Они свидетельствуют о том, что в рацион таежной элиты входили такие мясные деликатесы, как конина, свинина и баранина. Любопытно, что «князья» и их приближенные с удовольствием поедали мясо священного для угров животного – медведя. После трапезы кости этого зверя либо сжигались, либо просто выбрасывались за пределы крепостных стен в оборонительные рвы. Эти факты указывают на то, что обитатели средневековых городков относились к медведю как объекту охоты и источнику пищи, в то время как рядовые члены общества видели в нем

«младшего сына бога Торума», бывшего человека или родственника²⁷.

Утилитарное отношение к опасному таежному хищнику и его костям можно объяснить иным мировосприятием, которому следовали таежные правители. В условиях постоянного ведения войн, при возрастающей значимости военных предводителей возникли предпосылки для возвышения культа небожителей, известных по литературе под названиями громовников или громовержцев. Следы их почитания прослежены этнографами на мансийских и южнохантыйских святилищах. Представители правящих кланов вели свое происхождение от громовержцев или их сыновей, возлагая на себя посреднические функции во взаимоотношениях между миром богов и людей и, судя по данным фольклора, открыто заявляли о своей исключительности. Таким образом, в милитаризованном таежном обществе утверждалась мысль о богоизбранности военных вождей, что позволяло им окончательно дистанцироваться от остальных членов общества. Ранее уже указывалось, что сходные процессы можно наблюдать и в Киевской Руси²⁸.

Другая категория археологических памятников, относящихся к сайгатинскому этапу, представлена могильниками. Они демонстрируют нам ярчайшую картину имущественного расслоения таежного населения. Среди большого числа могил рядовых общинников выделяются захоронения с богатыми наборами вооружения, драгоценными ювелирными украшениями и серебряной посудой. Наконец, с сайгатинского времени впервые появляются некрополи, где хоронили преимущественно военных вождей и представителей элиты общества (Частухинский Урий, Эсский остров)²⁹.

При определении общественного устройства таежного населения Западной Сибири накануне вхождения региона в состав России мы отмечали, что местное обще-

ство находилось на пороге формирования классового общества раннефеодального типа со значительной долей патриархального рабства, а военно-политические объединения – «остяко-вогульские княжества» представляли собой раннегосударственные образования³⁰. Предложение З. П. Соколовой рассматривать обско-угорское общество как находящееся на стадии «военной демократии» представляется нам ошибочным. Во-первых, если мы обратимся к фольклору местного населения, к работам С. К. Патканова и С. В. Бахрушина, то увидим далеко зашедшие процессы имущественной и социальной дифференциации средневекового населения Югры, которые выходят за рамки «военной демократии». Во-вторых, в самом определении «военная демократия» заключено внутреннее противоречие. По мнению А. И. Першица, народовластие могло господствовать в обществе лишь до тех пор, пока грабительские или захватнические войны не стали в нем перманентной действительностью. Ведение войн в силу одних только их мотивов и результатов должно было резко ограничить демократию³¹.

Возрастание военного фактора в жизни средневекового населения Приобья было стимулировано включением Югры в систему мировой пушной торговли и соответствующей переориентацией рядового населения на пушной промысел со всеми вытекающими отсюда социальными и экономическими последствиями. С одной стороны, богатства таежного Обь-Иртышья неизменно привлекали внимание целого ряда средневековых государств – Новгородской республики, Московского государства, Волжской Булгарии, Золотой Орды и тюркских государств Сибири. Они стремились установить контроль над потоком пушнины из «полнощных стран» и представляли собой внешнюю угрозу. Однако она не являлась единственной, стимулировавшей возникновение военно-потестарных структур в тайге Западной Сибири, как полагает

Е. П. Мартынова. Какое-то время она носила потенциальный характер, поскольку местная правящая элита была крайне заинтересована в притоке престижных товаров (оружия, дорогой посуды, украшений). С другой стороны, развернулась ожесточенная внутренняя борьба между самими военными вождями (князьями-богатырями) за сбор пушнины с подвластного населения и контроль над торговыми путями, ведущий к монополизации внешней торговли и обменных операций. В результате внутренних войн определились явные лидеры, отмеченные в поздних русских документах как «большие», или «сборные», князья³².

По нашему мнению, организация таежных угров первой половины II тыс., дефинированная С. В. Бахрушиным как «остяко-вогульские княжества», может быть определена как военная дуксократия³³ или, говоря иначе, военное вожество³⁴, возникшее на периферии классовых обществ при непосредственном их участии. Н. Н. Крадин рассматривает вожество «в качестве специфической формы социополитической организации позднепервобытного общества, которая, с одной стороны, характеризуется как система, имеющая тенденции к интеграции путем политической централизации, наличием единой редиistribuтивной экономики, единой идеологии и т. д., а с другой стороны, как система, имеющая тенденции к внутренней дифференциации посредством специализации труда (в том числе управленческого), к отстранению непосредственных производителей от управления обществом, формированию элитарной и народной культуры»³⁵.

Вместе с тем было бы крайне неосмотрительно и преждевременно откладывать в сторону и предавать забвению монографию С. В. Бахрушина. Всестороннее изучение феодальных обществ и процессов зарождения феодальных отношений привело историков к неоднознач-

ному отношению в определении феодализма. Это связано со многими трудностями, обусловленными как сходностью ряда черт, присущих всем докапиталистическим формациям в целом и не являющихся исключительной спецификой феодализма, так и наличием множества региональных и стадиальных разновидностей феодального строя³⁶. По замечанию А. Я. Гуревича, феодализм правильнее воспринимать как модель, сконструированную не столько на основе обобщения широкого круга данных, сколько путем возведения в норму конкретного материала, полученного прежде всего из изучения истории одной области Франции, расположенной между Луарой и Рейном, за не слишком определенный и краткий отрезок Средневековья. В результате обнаруживается, что все другие страны, к которым прилагается созданная таким образом «модель», в той или иной степени до нее «не дотягивают» и оттесняются в разряд стран с феодализмом «неклассическим», «нетипическим» и т. п.³⁷.

Как следовало ожидать, в числе нетипичных государств оказывается и Русь. По мнению А. Я. Гуревича, огромное значение в процессе феодализации имело явление, известное на Руси под названием «окняжения». Под ним подразумевались дани и приношения, угощения и всякого рода кормления, взимавшиеся еще племенными вождями со свободных соплеменников или с покоренных народов. С течением времени они трансформировались частично в государственную подать, частично – в феодальную ренту. Население, их платившее, превращалось в зависимых людей государя либо того магната, дружинника или церковного учреждения, которые присваивали право сбора этих угощений и платежей. В частности, это нашло отражение в системе полюдя и княжеских погостов. Таким образом, в Древнерусском государстве феодализм развивался в недрах трансформи-

рующегося первобытного общества и по этой причине характеризовался многоукладностью и разнообразием социальных и хозяйственных форм³⁸. Сходные взгляды на древнее русское государство, в частности указания на наличие в нем пережитков первобытности, содержатся в работах других историков³⁹.

Очевидно, с позиций «нестандартного» русского феодализма следует подходить и к пониманию феномена «остяко-вогульских княжеств». Русская модель – особенно эволюция форм зависимости, деление волостей, практика иммунитетов, проведение пиров и угощений – позволяет наиболее полно оценить процессы, происходившие в Северо-Западной Сибири в первой половине II тыс. Это обусловлено не только территориальной близостью, но и продолжительными обоюдными контактами югричей с русским населением, которые велись первое время опосредованно, через жителей Приуралья. Именно в сфере хозяйственной жизни, обменных отношений отчетливо прослеживается влияние Русского государства на Югру. Правда, не меньшее, а скорее большее значение имели торговые связи жителей Северо-Западной Сибири с Волжской Булгарией, Золотой Ордой и сибирскими ханствами.

Через 70 лет после выхода книг С. В. Бахрушина и В. Н. Чернецова мы можем сказать, что проблемы, поднятые обоими исследователями о ранних этапах классического образования в обществах с присваивающим хозяйством, по-прежнему очень актуальны и получают сейчас второе дыхание. Как нам кажется, сторонников и оппонентов С. В. Бахрушина могло бы сблизить авторитетное мнение Н. Н. Крадина, что провести четкую границу между вождествами и ранними государствами, особенно когда речь идет о конкретно-исторических исследованиях, «очень и очень сложно, если не невозможно»⁴⁰. Дальнейшее комплексное изучение «остяко-вогульских кня-

жеств», наряду с другими маргинальными случаями (например, обществами индейцев Северо-Запада Америки), позволяет составить более четкую картину процесса перехода от вождества к государству. Правда, надо иметь в виду, что процесс научного познания бесконечен, а поиск критериев, отличающих догосударственные общественные институты от государственных, относится к числу вечных⁴¹.

Примечания

¹ См.: Чернецов В. Н. Вогульские сказки: Сб. фольклора народа манси (вогулов) / Под ред. и предисл. проф. В. Г. Богораза-Тана. Л., 1935.

² См.: Там же. С. 13.

³ Там же. С. 15.

⁴ См.: Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 85–116; Вып. 4.

⁵ См.: Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 4.

⁶ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.

⁷ См.: Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси... С. 3.

⁸ См.: Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // СЭ. 1936. № 3.

⁹ См.: Там же. С. 20.

¹⁰ См.: Там же. С. 20–21.

¹¹ См.: Там же. С. 27–28.

¹² Там же. С. 31–32.

¹³ Бояршинова З. Я., Степанов Н. Н. Западная Сибирь в XIII–XVI вв. // История Сибири. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 355–357.

¹⁴ См.: Там же. С. 356; Бояршинова З. Я. История Сибири: Учеб. пособие. Томск, 1987. С. 93.

¹⁵ См.: Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986. С. 34.

¹⁶ См.: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 24, 28.

¹⁷ См.: Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 79.

- ¹⁸ См.: Соколова З. П. Манси: историческая справка // Мифология манси. Новосибирск, 2001. С. 13.
- ¹⁹ См.: Попов В. А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в паразолитических обществах (на материале доколониальных аканов) // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: Памяти Л. Е. Куббеля. М., 1993. С. 143.
- ²⁰ См.: Шнирельман В. А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. М., 1988. С. 50, 54.
- ²¹ Шнирельман В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 336.
- ²² См.: Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 134; Шнирельман В. А. Позднепервобытная община... С. 244; Семенов Ю. И. Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность // Исследования по первобытной истории. М., 1992. С. 173.
- ²³ См.: Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. С. 141.
- ²⁴ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 202.
- ²⁵ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Феномен таежной цивилизации // Родина. 2000. № 5. С. 41–42.
- ²⁶ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 54, 55, 57, 78.
- ²⁷ См.: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. С. 90.
- ²⁸ См.: Кокшаров С. Ф. Громовержцы обских угров // Историческая наука на рубеже веков: Ст. и материалы науч. конф., посвящ. 60-летию ист. ф-та Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 52–53.
- ²⁹ См.: Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. С. 33–35; Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Эсский остров: В поисках реликвий вогульских князей // Родина. 2002. № 6. С. 37.
- ³⁰ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Феномен таежной цивилизации. С. 44.
- ³¹ См.: Першиц А. И. О военной составляющей политогенеза // Исследования по первобытной истории. М., 1992. С. 184.
- ³² См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 37.

- ³³ См.: Першиц А. И. О военной составляющей политогенеза. С. 184–187.
- ³⁴ См.: Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 23.
- ³⁵ Там же. С. 17.
- ³⁶ См.: Советская историческая энцикл. М., 1974. Т. 15. С. 19.
- ³⁷ См.: Гуревич А. Я. Избранные труды: В 4 т. М.; СПб., 1999. Т. 1: Древние германцы. Викинги. С. 194.
- ³⁸ См.: Там же. С. 195, 198.
- ³⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Оч. социально-политической истории. Л., 1980; Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
- ⁴⁰ См.: Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения. С. 45.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 50.

ББК Т 3 (2р53)
Т 67

Редакционная коллегия:

Н. Н. БАРАНОВ,

С. В. ГОРШКОВ (ответственный за выпуск),

С. В. ЛАЗАРЕВА,

Д. А. РЕДИН (ответственный редактор),

Л. В. СТЕПАНОВА (ответственный секретарь),

А. Т. ШАШКОВ,

А. Х. ЭЛЕРТ

Т 67 **Три столетия** академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие: Материалы междунар. симпозиума. – Екатеринбург: НИМП «Волот», 2006. – 464 с.

ISBN 5-89088-034-9

В издании представлены материалы международного симпозиума, посвященного 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера, 265-летнему юбилею путешествия отряда Миллера в составе Второй Камчатской экспедиции по территории Югры и 100-летним юбилеям со дня рождения выдающихся лингвистов и этнографов обско-угорских народов В. Штейница и В. Н. Чернецова. Во второй части сборника помещены статьи, посвященные В. Штейницу и В. Н. Чернецову, их вкладу в развитие языкознания, археологии и этнологии обских угров; в ряде работ речь идет об организации исследований края в новый и новейший периоды истории России, о современных проблемах изучения материальной и духовной культуры, историко-культурного наследия народов Югры.

Для историков, источниковедов, археологов, лингвистов, этнографов; издание может быть полезно также студентам и аспирантам соответствующих специальностей и краеведам.